рактер и другое (латинскими буквами) оформление, нежели в «Беседующем гражданине» вообще, и в «Беседе» в частности.

Первые две группы фактов (орфография и пунктуация), как бы выразительны они ни были, нельзя принимать в расчет в качестве серьезных аргументов в вопросе об авторстве (или неавторстве) Радищева — как и вообще любого другого деятеля данной эпохи. Дело в том, что различия в орфографии и пунктуации отражают не столько индивидуальную манеру автора, сколько навыки наборщиков и корректора той типографии, в которой печаталось то или иное произведение писателя. Скажем, орфография и пунктуация «Жития Федора Васильевича Ушакова», которое издано типографией Вейтбрехта, значительно отличаются от «Путешествия» и «Письма к другу», вышедших из домовой типографии Радищева.[23] Поэтому не удивительно, что от того и другого достаточно сильно отличаются аналогичные элементы в «исполнении» типографии Гека, где печатались последние части «Беседующего гражданина».

По этой причине в дальнейшем тексте нет необходимости воспроизводить старую орфографию и пунктуацию, а можно в разумных пределах «осовременить» их.

Сложнее обстоит дело с иностранными словами в скобках, но и этот момент (отсутствующий в сочинениях «подлинного» Радищева) можно при большом желании объяснить посторонним вмешательством, редакционной правкой.

Более серьезны языковые аргументы, касающиеся синтаксиса и стилистики «Беседы». Заранее приходится извиняться за длинную цитату, но без нее менее нагляден будет вывод. Итак, вот одна только фраза из начала «Беседы», даже из начала первого абзаца:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои, уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои

---

[23] Подробнее об этом см. в моей статье о текстологических принципах издания в кн.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 631—634.